

В. Е. Панасенко¹, Е. И. Гельман²

¹ Биолого-почвенный институт ДВО РАН
пр. 100-летия Владивостока, 159, Владивосток, 690022, Россия

² Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690950, Россия
E-mail: gelman59@mail.ru

РОЛЬ МЛЕКОПИТАЮЩИХ (MAMMALIA) В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ БОХАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА ГОРБАТКА *

В статье рассматриваются результаты изучения зооархеологической коллекции из средневекового городища Горбатка эпохи государства Бохай (VIII–X вв.). Памятник являлся административным центром северо-восточной периферии государства на территории современного Приморья. В пределах городища изучены пять строительных горизонтов бохайского времени. Выполнена оценка состояния и сохранности костных остатков млекопитающих, полученных в процессе раскопок в одном из жилых кварталов бохайского периода заселения – из жилища нижнего горизонта и колодца верхнего горизонта, прорезавшего все нижние отложения. Основной массив коллекции – кости животных, оставленные в результате деятельности нескольких семей. Анализ видового состава дал сведения о видах диких и домашних животных, использовавшихся населением городища. Сравнение результатов с данными из других памятников позволило сделать предварительные выводы о значимости разных животных в жизни населения этого городища и рассмотреть роль домашних и диких видов в системе жизнеобеспечения в северо-восточной части Бохая в целом. Выявлены признаки вариаций в использовании некоторых видов животных на разных бохайских памятниках, что может объясняться их расположением в разных природных зонах, а также региональной специализацией в экономике.

Ключевые слова: Приморье, средневековье, государство Бохай, городище, зооархеология, млекопитающие, дикие и домашние животные, система жизнеобеспечения.

Зооархеологическое изучение бохайских памятников хотя и является спорадическим в дальневосточной археологии, но постепенно набирает силу. Благодаря ряду работ [Алексеева, Болдин 1986; 1989; 1994; Раков 2002; Раков, Гельман, 2002] стали известны основные виды диких и домашних животных, а также морских и речных моллюсков, использовавшихся населением, оставившим бохайские памятники (и памятники с бохайским слоем), располагающиеся в долинах рек Илистая, Арсеньевка, Раздольная: городища Николаевское-II и Новогордеевское, поселение Константиновское-I на территории Российского Приморья. На имеющихся материалах были определены основные черты адаптивной стратегии бохайцев, связанные с эксплуатацией животных ресурсов.

Вместе с тем большинство бохайских памятников пока остается за пределами внимания зооархеологов. Фактически полноценно изучались коллекции костных остатков животных только трех памятников, расположенных на территории России, что крайне недостаточно для реконструкции системы жизнеобеспечения населения государства Бохай (698–926 гг.). Отсутствуют публикации фаунистических остатков по результатам раскопок памятников этого времени в КНР и КНДР. В настоящей статье уже имеющиеся исследования дополнены анализом остатков костей млекопитающих бохайского городища Горбатка.

Публикация и анализ новых материалов позволяет оценить роль разных видов млекопитающих в жизни бохайского населения

* Статья выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», госконтракт № 10104-37/II-21/238-398/120707_046.

из административного центра, располагавшегося в районе по южному обрамлению оз. Ханка, и сравнить полученные данные как с материалами из соседнего памятника, занимавшего более низкую ступень в иерархической административно-территориальной системе Бохая по отношению к городищу Горбатка (Николаевское-II городище), так и с материалами памятников из бассейна р. Раздольной (Константиновское поселение, бохайский слой) и предгорьев Сихотэ-Алиня (Новогордеевское городище, бохайский слой). Новизна зооархеологического исследования на городище Горбатка заключается также в применении нехарактерной для средневековых памятников Приморья методики отбора образцов – все отложения из археологических объектов промывались через сито с ячейей 5 мм. В результате получена сбалансированная коллекция остеологических остатков и других экофактов. Археологические раскопки проводились в 1997–2005 гг. Собраны значительные по объему фаунистические коллекции, из которых большей частью изучены только створки раковин морских и речных моллюсков [Раков, Гельман, 2002]. В статье представлены результаты изучения костных остатков из жилища 8, относящегося к самому нижнему бохайскому горизонту обитания на городище, т. е. к начальному периоду заселения памятника бохайцами. Кроме того, исследована коллекция костей, собранная в верхнем строительном горизонте в пределах котлована колодца и его заполнения.

Основной целью работы являлось комплексное изучение костных остатков млекопитающих из городища Горбатка из двух объектов и прилегающих к ним участков, а также сравнение данных с результатами изучения фаунистических остатков из других бохайских памятников Приморья. Для этого необходимо было выявить видовой состав животных, оценить сохранность и органолептические показатели костных остатков, сделать количественные оценки видового состава животных, определить их роль в системе жизнеобеспечения бохайцев.

Городище находится на территории современного с. Горбатка в Михайловском районе Приморского края, на правом берегу р. Илистой. Культурные отложения на памятнике связаны с тремя этапами его заселения: в период раннего железного века (кроуновская археологическая культура,

V–IV вв. до н. э. – II–III вв. н. э.), в бохайский период (конец VIII – первая четверть X в.); с конца XIX в. до 30-х гг. XX в. на территории городища жили корейские крестьяне.

В 10-километровую зону хозяйственного использования городища в бохайское время входили такие фации, как сопки, увалы, пойма реки, мелкие озера- старицы. Долина реки в ее среднем течении за последние 100–150 лет заметно обезлесилась, хотя до этого была покрыта пойменными лесами. Но и сейчас, уже в 4–5 км от городища, по краю долины р. Илистой, начинается лесная зона. Здесь участки тайги (на базальтовых плато и в предгорьях) и кедрово-широколиственных лесов (липа амурская, ильм белостовольный, клен мелколистный, ясень носолистный, береза даурская, маньчжурские орех и абрикос, яблоня и др.) сочетаются с дубовыми (монгольский дуб). Пойменные леса представляли собой отличную кормовую базу для диких животных, как и обширные луговые степи с их разнотравьем и кустарниковыми зарослями, использовавшиеся также для выпаса домашних животных [Куренцова, 1962; Куренцов, 1973. С. 531–534; Короткий, 2002. С. 56, 214–215, 250–251; Пржевальский, 1990. С. 236–246].

Площадь городища – около 10 га (без учета каменного вала протяженностью около 1 250 м). Имеются четверо ворот, перед северо-восточными воротами расположена высокая платформа, образующая единый комплекс с воротами. Во время археологических исследований в пределах крепостных стен в бохайском слое были выявлены 5 строительных горизонтов, в которых содержались на разных уровнях полностью или частично остатки жилищ и одного колодца [Гельман и др., 2001; Гельман, 2002; 2005]. Памятник являлся крупным центром на периферии Бохая, по площади он сопоставим с окружными центрами (например, с Краскинским городищем Хасанского района) в системе административно-территориального деления государства. Раскопки показали, что плотность застройки на памятнике хотя и варьировала от нижнего горизонта к верхнему, но в целом была всегда очень высока. Конструкции жилищ менялись от нижнего горизонта к верхнему. В самом нижнем слое раскопаны два жилища полностью и два частично, они расположены довольно близко друг к другу – на площади около 90 кв. м. Все жилища пред-

ставляют собой полуземлянки подпрямуюгольной формы глубиной около 50 см с очагами, устроенными в задней части жилища. Размеры жилища № 8 составили около 16 кв. м. Очаг занимает почти половину задней части жилища. Он углублен на 25–40 см и не имеет каменной обкладки, в которой не было необходимости, так как очаг устроен прямо в глине материкового слоя. После того, как это жилище было заброшено, оно превратилось в мусорную яму для соседей [Гельман, 2005]. Все микроотложения в котловане жилища № 8, кроме артефактов и прочих экофактов, содержали фрагменты или целые кости животных.

Жилища остальных строительных горизонтов имели более мелкие котлованы и отопительную систему типа кана. В период после того, как котлован жилища № 8 оказался почти полностью заполнен мусорными отложениями (и наиболее максимально по сравнению с другими жилищами этого горизонта), произошло сильное наводнение, которое покрыло остатки жилища слоем илесто-глинистых отложений толщиной до 15–20 см, так же как и остатки всех жилищ, относящихся к двум нижним строительным горизонтам [Гельман, 2002; 2005]. Вероятно, крепостные стены до этого наводнения еще не были построены.

Все пачки отложений в виде бытовых отходов (выше уровня первоначального обитания жилища) в котловане жилища № 8 перемежаются с перемешанными слоями пепла и углей, прослойками почвы. В процессе раскопок мы разделили все отложения на нижнюю, среднюю и верхнюю части заполнения, из которых нижняя относится к периоду функционирования жилища, а остальные – ко времени жизнедеятельности обитателей соседних жилищ нижнего, пятого, строительного горизонта и, возможно, частично четвертого горизонта. Срок «жизни» подобного типа жилищ не превышает двух десятков лет [Стариков, 1967. С. 34], что недостаточно для каких-либо заметных изменений в морфологии животных, поэтому фаунистические остатки из котлована жилища № 8 рассматривались как единый комплекс. В процессе разборки заполнения жилища и его очага были найдены костяные наконечники стрел и рог оленя со следами обработки.

Всего в заполнении жилища № 8 и на прилегающих, одновременных с ним, участ-

ках было обнаружено 1 536 костных остатков млекопитающих, из них абсолютно неопределимых осколков костей – 1 390. До вида определено 90 костей, до семейства – 16, до отряда – 40. Низкий процент (всего 6 %) определенных костей обусловлен их плохой сохранностью – в основном это мелкие фрагменты костей крупных животных (преимущественно копытных).

Определение видовой принадлежности костей велось с помощью эталонной остеологической коллекции лаборатории териологии БПИ ДВО РАН и «Определителя...» [Громова, 1950]. Определения велись по длинным костям конечностей с сохранившимися эпифизарными частями, костям запястья и предплюсны, фрагментам черепа (от почти полностью сохранившегося до небольших фрагментов и изолированных зубов).

Некоторые костные остатки свиньи не удалось достоверно отнести к домашнему или дикому подвиду, поэтому при расчетах рассматривались два крайних допущения: либо все кости принадлежали домашней свинье, либо кабану.

Количество животных оценивалось по количеству костей, а не по минимальному количеству особей, чтобы иметь возможность адекватно сравнивать с результатами, полученными ранее другими исследователями. Как отмечают Э. В. Алексеева и В. И. Болдин в одной из своих работ, характеристика одновременных сравниваемых объектов на археологических памятниках, данная по количеству костей, более точна, чем по числу особей, так как туши мяса могли делиться между родственниками и соседями и кости от одной особи могли одновременно отлагаться в разных жилищах [Алексеева, Болдин, 1989. С. 81]. Исключением являются находки нескольких фрагментов одной кости (или сохранившийся ряд зубов, когда челюсть разрушена), тогда они все учитывались как 1 экземпляр.

Большинство образцов имеют повреждения, довольно разнообразные по происхождению и степени разрушения кости. Все типы повреждений мы условно разделили на два: искусственные – приобретены в результате деятельности человека, и естественные – под воздействием факторов окружающей среды и деятельности животных. Искусственные являются более многочисленными. К ним относятся сколы (от незна-

чительного повреждения до состояния мелких осколков кости), порезы разной глубины (от небольших повреждений поверхности до сквозного разрезания кости), и результат термической обработки (обугливание и побеление в результате прокаливания, а также следы вываривания). Некоторые кости были повреждены при раскопках, о чем свидетельствуют свежие сколы.

Костей с естественными повреждениями несколько меньше. Это кости со следами погрызов хищников и грызунов. К этой же группе можно отнести костные остатки молодых животных. Они имеют плохую сохранность в связи с быстрым разрушением формирующейся костной ткани под воздействием природных условий. Некоторые кости сочетают повреждения разного происхождения.

Почти все кости в жилище и за его пределами имеют плотную костную ткань с неравномерной окраской от бежевого до темно-коричневого цвета с многочисленными некрупными пятнами солей железа и дендритами солей марганца. Гигроскопичность костей – от слабой до умеренной, звучание гулкое. Кости из нижней части заполнения имеют наиболее плотную костную ткань и наименее гигроскопичны. Кости из очага имеют аналогичную сохранность. Сильно отличаются кости из заполнения колодца. В большинстве своем они очень легкие, часть из них имеет рыхлую костную ткань, очень гигроскопичны. У других – ткань плотная, но тоже в высокой степени гигроскопичная. Окраска костей в основном равномерная – от светлой песочной, до ярко- и темно-коричневой. Поверхностные дендриты солей марганца присутствуют только на темноокрашенных костях. Звучание глухое.

Таким образом, можно говорить о довольно однородных условиях захоронения костей (кроме заполнения колодца), что позволяет анализировать видовой состав животных из разных слоев и с разных объектов без дополнительных поправок. Основными факторами, влияющими на целостность костей, были физическое разрушение костей человеком, употребление их в пищу хищниками (вероятно, собаками) и естественное разрушение костей молодых животных.

В раскопе жилища № 8 и колодца по вертикали и горизонтали кости были распределены неравномерно по количеству, видовой принадлежности и принадлежности к раз-

ным частям скелета. Основной причиной этого являлась деятельность человека.

В нижней части заполнения жилища № 8 накопление костей шло исключительно за счет хозяйственной активности жильцов и ограничивалось, скорее всего, бытовыми потребностями, в первую очередь приготовлением и потреблением пищи, а также изготовлением орудий труда, оружия. Причем первое в большей степени относится к костным остаткам, обнаруженным в очаге, а второе – костям, найденным непосредственно на территории жилища. За пределами очага в жилище были обнаружены метаподии и фрагменты черепа домашней свиньи, пяточная кость собаки, роговые отростки коровы, дистальный фрагмент плечевой кости выдры, а кроме того, костяные наконечник стрелы и рог оленя со следами обработки. В очаге были обнаружены фрагменты черепа и фрагмент лучевой кости свиньи, клык и фрагмент локтевой кости кабана, фрагмент плечевой кости лошади и метатарзальная кость пятнистого оленя.

Накопление костных остатков после того, как жилище было оставлено его обитателями и использовалось в качестве мусорной ямы, происходило за счет бытовых отходов ближайших жилищ. Здесь выявлено максимальное видовое разнообразие (11 видов из 12) и обнаружены кости почти всех элементов скелета. Отсутствие специальной обработки костей свидетельствует о том, что это «кухонные остатки» – кости съеденных животных.

На участках, прилегающих к жилищу, кости животных появлялись, скорее всего, случайно; их не убирали и в результате растаскивания домашними животными. Обнаруженные здесь кости в основном сильно фрагментированы и не пригодны для определения. Это фрагмент верхней челюсти свиньи, два изолированных зуба и первая фаланга лошади, проксимальный фрагмент плечевой кости косули.

Колодец относится к последнему этапу существования городища (пятому строительному горизонту). Кости, обнаруженные в его заполнении, попали туда уже после того, как он перестал использоваться по прямому назначению и начал заполняться бытовыми отходами. Здесь были обнаружены 5 коренных зубов домашней свиньи, 3 клыка и фрагмент верхней челюсти кабана, 2 коренных зуба и 2 фрагмента верхних

челюстей лошади, дистальный фрагмент бедра коровы или изюбря. Как видно, здесь хорошо сохранились преимущественно зубы, поскольку заполнение колодца оставалось увлажненным, что не способствовало сохранению материала.

В кладке колодца был найден жевательный зуб более мелкой лошади, фрагмент верхней челюсти свиньи. В котловане, в котором был сложен каменный колодец, также обнаружены три зуба свиньи и / или кабана. Эти находки связаны с периодом постройки колодца, т. е. они более ранние, чем кости из заполнения колодца. Здесь костные остатки представлены исключительно зубами.

В результате определения костных остатков было выявлено восемь видов диких

животных и четыре вида домашних. Диким животным принадлежит 30 (38) костных остатков (табл. 1), домашним 50 (58) (табл. 2).

Видовой состав животных городища Горбатка определялся по находкам из одного жилища – такая выборка отражает наиболее востребованных животных несколькими семьями на протяжении как минимум нескольких лет. Это обусловило выявление меньшего количества видов, по сравнению с другими бохайскими памятниками, где были изучены кости млекопитающих. В список не попали животные, которые встречаются редко, а значит, не играли ключевую роль в жизни бохайцев. Вместе с тем это позволило получить более точное представление об

Таблица 1

Распределение костных остатков диких животных
в археологических объектах городища Горбатка

№ п/п	Вид	Нижняя часть заполнения жилища № 8, включая очаг	Верхняя и средняя части заполнения жилища № 8	Участки, прилегающие к жилищу № 8	Заполнение котлована и шахты колодца	Всего	
						экз.	%
1	<i>Sus scrofa</i> L., 1758 – кабан	3	5 / 10	0	1 / 4	9 / 17	30 / 44,7
2	<i>Capreolus capreolus</i> L., 1758 – косуля	0	7	0	0	7	23,3 / 18,4
3	<i>Cervus nippon</i> Temminck, 1838 – пятнистый олень	1	3	0	1	5	16,7 / 13,2
4	<i>Moschus moschiferus</i> L., 1758 – кабарга	1	0	0	0	1	3,3 / 2,6
5	<i>Ursus arctos</i> L., 1758 – бурый медведь	0	2	0	0	2	6,7 / 5,3
6	<i>Lutra lutra</i> L., 1758 – выдра	1	0	0	0	1	3,3 / 2,6
7	<i>Mustela sibirica</i> Pallas, 1773 – колонок	0	1	0	0	1	3,3 / 2,6
8	<i>Rattus norvegicus</i> Berkenhout, 1769 – серая крыса	0	4	0	0	4	13,3 / 10,5
9	ИТОГО	6	22 / 27	0	2 / 5	30 / 38	

Таблица 2

Распределение костных остатков домашних животных
в археологических объектах городища Горбатка

№ п/п	Вид	Нижняя часть заполне- ния жилища № 8, вклю- чая очаг	Верхняя и средняя части заполнения жилища № 8	Участки, прилегающие к жилищу № 8	Заполнение коглована и шахты колодца	Всего	
						экз.	%
1	<i>Sus scrofa domesticus</i> L., 1758 – домашняя сви- нья	8	15 / 20	1	2 / 5	26 / 34	52 / 58,6
2	<i>Equus caballus</i> L., 1758 – лошадь	1	8	3	6	18	36 / 31
3	<i>Canis familiaris</i> L., 1758 – собака	1	2	0	0	3	6 / 5,2
4	<i>Bos taurus</i> L., 1758 – корова	2	1	0	0	3	6 / 5,2
5	ИТОГО	12	26 / 31	4	8 / 11	50 / 58	

использовании бохайцами животных в конкретный отрезок времени, тогда как предыдущие исследования объединяли данные из других памятников за весь период функционирования памятников, примерно за двести лет без учета динамики, в лучшем случае полученные данные делили на два периода (Николаевское-II городище) [Алексеева, Болдин 1986; 1989; 1994].

В городище Горбатка количество костей кабана преобладает над костями косули, однако такая ситуация наблюдается не на всех бохайских памятниках (табл. 3). Различие в количестве этих видов на разных памятниках может быть связано с рядом факторов: расположение поселений в разных ландшафтно-климатических зонах, продолжительность эксплуатации ресурсов вокруг поселения (которая коррелирует с длительностью его существования и плотностью населения), сезонными миграциями кабана в зависимости от наличия корма. Несомненно, роль кабана и косули в питании бохайцев была значительна.

Пятнистый олень по количеству костей уступает косуле, и не только в отложениях на городище Горбатка. На ближайшем к нему бохайском памятнике, Николаевском-II

городище, этот вид составляет не более 5 % от общего количества костных остатков диких животных. Аналогичная ситуация наблюдалась и в бохайском слое Новогордеевского городища и Константиновского селища (см. табл. 3). В предшествующие периоды, например в эпоху неолита, доля пятнистого оленя существенно превышала (до 16–29 %) долю косули, добываемой охотниками на территории современного Приморья и Корейского полуострова [Вострецов, Тоизуми, 1998. С. 349].

Кости кабарги довольно редко встречаются на бохайских памятниках. Кроме городища Горбатка, кости кабарги найдены только на Константиновском селище [Алексеева, Болдин, 1994]. Это связано, возможно, с тем, что ее мясо малосъедобно, и она добывалась дополнительно для других целей. Добывался мускус самцов, использовавшийся в лечебных целях, из клыков и костей изготавливались рыболовные крючки, копыта и клыки использовали как талисман, шкуру самца натягивали на шаманский бубен [Подмаскин, 2006. С. 94, 95].

Хищные животные в рассмотренной коллекции (выдра, бурый медведь, колонок)

немногочисленны, как и на других бохайских памятниках. С пушных зверей шкуру могли снимать сразу, не принося их в поселение, а значит количество костей в городищах заведомо занижено. Меха выдры особенно ценились за прочность и водоотталкивающие свойства, что было важным при изготовлении одежды, как это наблюдается у современных народов. Кроме того, имеются сведения, что современные удэгейцы ее хвост натягивали на колотушку, которой ударяли в шаманский бубен [Подмаскин, 2006. С. 94].

Кости медведей на других бохайских памятниках также являются редкими находками (см. табл. 3) [Алексеева, Болдин, 1986; 1989; 1994]. Сравнивая эти данные с этнографическими наблюдениями, следует отметить, что нахождение костей медведя в мусорных отложениях на бохайских памятниках не соответствует данным о культе этого вида животных, который существовал у малочисленных народов Дальнего Востока, когда с костями убитого медведя, а особенно с костями черепа, обращались крайне бережно. Они никогда не разбрасывались, кости туловища собирались после поедания животного и хранились в особых местах, а черепа насаживались на шест либо перед жилищем, либо в лесу [Старцев, 2005. С. 300–311; Подмаскин, 2006. С. 89, 97, 113, 115]. По имеющимся немногочисленным находкам на городище Горбатка, так же как и на других бохайских памятниках, пока

нельзя совсем отрицать наличие медвежьего культа у бохайцев. Несомненно, есть необходимость продолжить точную фиксацию находок костей медведя в процессе дальнейших археологических раскопок бохайских памятников, чтобы выяснить, являлись ли медведи у бохайцев тотемными животными, как у современных малочисленных, тунгусо-маньчжурских народов юга Дальнего Востока России.

Среди домашних животных по количеству костей на всех бохайских памятниках доминирует свинья (см. табл. 3). Домашняя свинья, несомненно, являлась основным мясным компонентом в питании бохайцев, кроме того, в хозяйстве использовались шкура, некоторые части скелета для костяных изделий, а экскременты в качестве удобрения полей.

Относительно небольшое количество домашних собак на городище Горбатка (не более 6 %) пока нельзя рассматривать как окончательное (см. табл. 3). Будущие исследования могут еще скорректировать эту цифру, так как, например, на соседнем Николаевском-II городище количество домашних собак достигало 25,8 %. Собака использовалась в пищу начиная с эпохи неолита (как минимум) многими народами Дальнего Востока, включая бохайцев. На настоящий момент нет достаточных свидетельств того, что жители городища Горбатка разводили собак на мясо, но не исключено, что дальнейшее изучение фаунистических остатков из этого

Таблица 3

Количество некоторых животных из бохайских памятниках Дальнего Востока России
(в % от общего количества домашних или диких животных соответственно)

Животное	Памятник			
	Городище Горбатка	Городище Николаевское-II	Городище Новогордеевское	Константиновское-I поселение
Кабан	30 (44,7)	19 (VIII–IX вв.) и 25 (IX–X вв.)	70,4	7,8
Косуля	7	41,6 и 3,06	22,2	55,6
Пятнистый олень	16,7	5	3,7	5,7
Благородный олень	0,0	2,5	0,0	0,8
Бурый медведь	2	5,4	5,3	0,4
Домашняя свинья	52 (58,2)	40,4	63,3	38,4
Собака	6 (5,2)	25,8	7,1	31,7

Примечание: данные по городищам Николаевское-II, Новогордеевское и Константиновское-I поселения приведены из публикаций Э. В. Алексеевой и В. И. Болдина [1986; 1989; 1994].

Таблица 4

Соотношение костей диких и домашних животных
на бохайских памятниках Приморья

№ п/п	Памятник	Животные		Источник
		домашние (%)	дикие (%)	
1	Константиновское поселение (бохайский слой)	74,3	25,7	Алексеева, Болдин, 1994. С. 40–42, табл. 2 *
2	Новогордеевское городище (бохайский слой)	74	26	Алексеева, Болдин, 1989. С. 82, табл. 1, 2
3	Николаевское-II городище	78	22	Алексеева, Болдин, 1986. С. 79, 80, табл. 1, 2 **
4	Городище Горбатка	66	34	Определения В. Е. Панасенко

* При составлении таблицы были объединены данные из двух раскопов.

** При составлении таблицы были объединены данные из двух бохайских горизонтов памятника, а также исключены кости птиц, чтобы результаты могли быть сравнимы с данными из других памятников.

памятника может дать новые данные об использовании собак его населением. Говорить о породах собак тоже пока преждевременно, но все же стоит иметь в виду при дальнейших исследованиях, что в летописных источниках содержатся сведения о ввозе в Бохай киданьских охотничьих собак [Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун, 1984. С. 141].

В то же время значительное количество костей лошади на городище Горбатка не может быть случайным – 36 (31 %). Лошадь у бохайцев использовалась исключительно для верховой езды, как неотъемлемая часть воинского снаряжения. Бохайские земли, особенно область Шуайбинь – бассейн р. Раздольной (Суйфун), славились лошадьми, которые были предметом внутренней и внешней торговли в Бохае (в том числе с Танским Китаем и не исключено, что и с Силла) как на «государственном» уровне, так и частным образом, о чем упоминается в китайских летописях [Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун, 1984. С. 141]. Наличие костей лошади в отложениях на городище говорит о том, что они составляли устойчивую часть белковой диеты жителей, уступая по численности только домашней свинье. Вместе с тем все найденные кости лошадей принадлежали взрослым особям, что свидетельствует о их первоочередной роли в качестве тягловой силы.

Важным показателем использования бохайцами животных является соотношение диких и домашних животных (табл. 4), ко-

торое меняется очень медленно на протяжении длительного времени в процессе развития хозяйственного уклада земледельческого населения разных археологических культур. Полученные фаунистические данные по городищу Горбатка позволяют несколько по-новому взглянуть на роль животноводства и охоты в жизни государства Бохай.

Хотя в целом для бохайских памятников Приморья использование домашних животных в пищу по сравнению с дикими существенно доминировало, все же наблюдаются некоторые различия от памятника к памятнику, связанные как с определенными ландшафтно-климатическими зонами, с хозяйственной деятельностью в разные периоды функционирования поселений, так и с разным подходом к анализам коллекций. В отличие от материалов городища Горбатка, где извлекались абсолютно все костные остатки крупнее 5 мм, коллекции костных остатков из других бохайских памятников получены в результате визуальной выборки, имеют усредненные оценки, без учета продолжительности существования памятника и связи с разными объектами и строительными горизонтами (археологическим контекстом). Последнее, безусловно, объясняется степенью их изученности.

На прибрежном памятнике Песчаный-1 (янкская культура раннего железного века) количество домашних животных достигало 70 % [Вострецов, 2005. С. 186,

табл. 40]. Соотношение разных видов домашних и диких животных на этом памятнике очень сходно с таковым у бохайцев, за исключением коровы и лошади, которые были освоены позже. За период 1 500–1 000 лет доля домашних животных в диете местного населения увеличилась только на несколько процентов (4–8 %). Это свидетельствует, видимо, об исторически сложившейся, оптимальной модели адаптации у оседлого населения Приморья для получения белковой пищи.

В свою очередь, изучение фаунистических остатков из более поздних чжурчжэньских памятников Приморья эпохи Восточного Ся продемонстрировало изменение соотношения диких и домашних животных по сравнению с бохайцами также не более чем на 6–7 % (табл. 5) спустя триста лет. Такие данные отражают медленное возрастание роли домашнего животноводства. Это объясняется наличием богатых и достаточно доступных таежных ресурсов, которые были успешной альтернативой животноводству на протяжении длительного времени.

Итогом проведенного исследования стали несколько важных наблюдений и выводов. Накопление фаунистических остатков из рассмотренных объектов было, в первую очередь, результатом хозяйственной активности человека. Основными факторами повреждения костей, извлеченных из бытовых

отложений, являлись деятельность человека (разбивание костей для извлечения костного мозга; повреждения, нанесенные при разделке туши; изготовление костяных изделий) и собак, которые обгладывали кости, оставшиеся после трапезы человека.

Изучение коллекции фаунистических остатков с более четкой привязкой к археологическим объектам существенно дополнило сведения, известные по другим однокультурным памятникам, располагавшимся как в иных климатическо-ландшафтных зонах (долины рек Арсеньевки, Раздольной), так и в той же самой долине Илистой. Можно заключить, что соотношение диких и домашних животных на бохайских памятниках северо-восточной части Бохая в целом является вполне устойчивым. Вместе с тем, опираясь на новые данные, можно заключить, что детальные исследования костных остатков по горизонтам обитания позволяют проследить динамику изменения роли диких и домашних животных в хозяйственном укладе бохайского населения, и такие работы следует продолжить. Несколько большее количество костей диких животных в нижнем горизонте городища Горбатка по сравнению с усредненными оценками такого же показателя из других бохайских памятников, вероятнее всего, маркирует начальный этап освоения территории в долине Илистой, происходивший, по нашему мнению, в конце VIII – на-

Таблица 5

Соотношение костей диких и домашних животных
на чжурчжэньских памятниках Приморья

№ п/п	Памятник	Животные		Источник
		домашние (%)	дикие (%)	
1	Константиновское поселение (чжурчжэньский слой)	Раскоп 1 – 70,3 Раскоп 2 – 81	Раскоп 1 – 29,7 Раскоп 2 – 19	Алексеева, Болдин, 1994. С. 40–42, табл. 2
2	Новогордеевское городище (чжурчжэньский слой)	86,9	13,1	Алексеева, Болдин, 1989. С. 82, табл. 1, 2
3	Шайгинское городище	89–92	8–11	Алексеева, Шавкунов, 1983. С. 71, табл. 1 *
4	Майское городище	83,2	16,8	Алексеева и др. 1996. С. 177, табл. 1

* В оригинальной таблице нет сведений о соотношении домашней свиньи и дикого кабана, поэтому мы для возможности сравнения использовали при расчетах два крайних допущения: либо все кости принадлежали свинье, либо кабану.

чале IX в., в период расширения границ государства Бохай [Государство..., 1994. С. 34, 35; Ивлиев, 2005. С. 461].

Анализ видового состава млекопитающих городища Горбатка показывает, что преобладающими являлись виды животных, употребляемых в пищу. Среди домашних животных это в первую очередь свинья и лошадь. Дикие животные, в целом, уступают домашним по количеству, что свидетельствует о значительной роли и высокой степени развитости животноводства. Основными объектами охоты населения городища были кабан, косуля, пятнистый олень, кабарга. Бохайцами добывались и пушные звери (колонок, выдра). Все добываемые и разводимые животные использовались человеком максимально, судя по значительной раздробленности костей и костяным изделиям.

Таким образом, видовой состав домашних и диких животных, использовавшихся бохайцами на городище Горбатка, по основным видам совпадает с теми, что использовались бохайцами других регионов. В целом у бохайского населения северо-восточной части государства Бохай существовала достаточно сложившаяся диета, во всяком случае по обеспечению белками и рядом микроэлементов за счет использования широкого спектра домашних и диких животных.

Вместе с тем следует обратить внимание на вариабельность в использовании млекопитающих от памятника к памятнику, что связано с различными природными зонами, в которых они находятся. Данные из нижнего горизонта городища показывают, что использование лошади в пищу в этот период, примерно, в 1,5–3,5 раза превышает этот показатель на любом другом бохайском памятнике [Государство..., 1994. С. 97]. Это дает основание предполагать, что будущие, более интенсивные, зооархеологические исследования существенно дополнят наши знания о региональных особенностях экономики центральных, полупериферийных и периферийных районов Бохая.

Список литературы

Алексеева Э. В., Беседнов Л. Н., Ивлиев А. Л. Хозяйство населения Майского городища (по остаткам животных) // Археология Се-

верной Пасифики. Владивосток, 1996. С. 168–179.

Алексеева Э. В., Болдин В. И. Остатки животных из средневекового селища Константиновское-1 // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 37–47.

Алексеева Э. В., Болдин В. И. Остатки животных из средневековых слоев Новогордеевского селища и городища // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989. С. 80–85.

Алексеева Э. В., Болдин В. И. Материалы об охоте и животноводстве у населения бохайского городища Николаевское-II (Приморье) // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1986. С. 77–85.

Алексеева Э. В., Шавкунов Э. В. Дикие и домашние животные Шайгинского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983. С. 70–79.

Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье (открытия, проблемы, гипотезы). Владивосток, 2005. С. 159–186.

Вострецов Ю. Е., Тоизуми Т. Охотничья деятельность // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 321–353.

Гельман Е. И. Предварительные итоги исследований городища Горбатка в 2000–2001 гг. // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 95–98.

Гельман Е. И. Раскопки городища Горбатка в 2004 году // Отчет об археологических исследованиях бохайских памятников Приморья в 2004 г. Сеул, 2005. С. 235–444 (на рус. и кор. яз.).

Гельман Е. И., Никитин Ю. Г., Болдин В. И., Ивлиев А. Л. Исследования на городище Горбатка // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 12–19.

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994. 219 с.

Громова В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета // Тр. комиссии по изучению четвертичного периода IX.

М., 1950. Вып. 1. Определитель по крупным трубчатым костям. 108 с.

Ивлиев А. Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 449–475.

Короткий А. М. Географические аспекты формирования субфоссильных и споропыльцевых комплексов (юг Дальнего Востока). Владивосток, 2002. 270 с.

Куренцов А. И. Мои путешествия. Владивосток, 1973. 624 с.

Куренцова Г. А. Растительность приханкайской равнины и окружающих ее предгорий. М.; Л., 1962. 162 с.

Подмаскин В. В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов (проблемы этногенеза и этнической истории). Владивосток, 2006. 539 с.

Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае (1867–1869). Владивосток, 1990. 334 с.

Раков В. А. Моллюски из средневековых археологических памятников Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 200–213.

Раков В. А., Гельман Е. И. Малакофауна бохайского городища Горбатка // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 127–133.

Стариков С. В. Материальная культура китайцев Северо-Восточных провинций КНР. М., 1967. 225 с.

Старцев А. Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.). Владивосток, 2005. 443 с.

Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. Бохай ши гао (Наброски по истории Бохая) / Пер. А. Л. Ивлиева. Харбин, 1984. 288 с.

Материал поступил в редколлегию 06.05.2008

E. I. Gelman, V. E. Panasenko

ROLE OF MAMMALS IN SUBSISTENCE SYSTEM OF BOHAI POPULATION OF THE GORBATKA WALLED TOWN

In the paper results of investigation of mammalian bones assemble are scrutinized that is originated from medieval Gorbatka walled town of Bohai State (VIII–X) epoch. The site was administrative center of the North-Eastern periphery of the state on the territory of modern Maritime Region (Primorye). Within the bounds of the walled town five building horizons of the Bohai period were examined. The condition and preservation of mammal's bones was estimated what was dug at inhabited block of the site of Bohai period from the dwelling of the down horizon and the well through all low layers. Main part of assemble was mammalian bones that are result of few families' activity. Analysis of species represented evidences wild and domestic animals used by the population of the walled town. Comparing of results with data from other sites allowed getting of preliminary withdrawals about significance of different mammal species for Bohai people of the site and to scrutinize the role of animals in subsistence system of Bohai population at the Northeast part of the state. Some features of variations for using of some species at the different sites were noted. The reason probably is diverse geographic zones where these sites are located and their regional specialization.

Keywords: Maritime Region (Primorye), the Middle Age, the Bohai state, walled town, zooarchaeology, wild and domestic mammals, subsistence system.